

МОТИВ РАЗУВЕРЕНИЯ В ЛИРИКЕ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

С. В. Рудакова

Е. А. Боратынский как поэт формируется в период расцвета романтизма и усваивает многие принципы, характерные для этого литературного направления. Основой же романтизма стало разочарование в современной действительности, в возможностях прогресса и цивилизации, неудовлетворённость существующими представлениями о жизни и человеке. Именно это способствовало формированию такого важнейшего качества романтизма, как двоемирие — разлада между реальностью и мечтой.

Потому неудивительно, что одним из ведущих мотивов в поэтическом мире Е. А. Боратынского становится мотив «общего разочарования», разуверения, который трактуется автором очень широко: это и невозможность воскресить былую любовь, и невозможность сохранить былые надежды, мечты, и неверие в то, что в мире всё устроено целесообразно, и горечь от осознания, что поэзия, возможно, уже не важна для людей в современном мире, и разочарование в жизни как таковой. . .

Состояние разочарование не было открытием Боратынского, но достижение поэта в том, что он делает это чувство всеобъемлющим, трагически-универсальным, показывая его в психологической и социокультурной конкретности.

Ещё в юности поэт задумывается о состоянии разочарования, которое овладевает многими, проникая и в его мир. Именно о разуверении размышляет он, будучи шестнадцатилетним юношей, в письме к своей матери: «Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе утаённый яд, снedaющий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух, полный тоски и печали (*un esprit chagrin, un fond d'ennui et de tristesse*), — вот что он носит в себе среди шумного веселья, и я слишком знаю этого человека»¹.

Позже поэт в стихотворении «Богдановичу» (1824) достаточно жёстко, с определённой долей сатиры отзовется о той тенденции, которая всё явственней обнаруживалась в жизни и в литературе России времени 20-х гг. XIX в.: какое-то массовое, бездумное увлечение мотивами скорби, «преждевременной старости души» и т.д., т. е. тем, о чём в последующем будут размышлять в своих произведениях и А. С. Пушкин («Евгений Онегин»), и М. Ю. Лермонтов («Герой нашего времени»):

В печаль влюбились мы. Новейшие поэты
 Не улыбаются в творениях своих,
 И на лице земли всё как-то не по ним.
 <...>

Пристала к музам их немецких муз хандра.
 Жуковский виноват: он первый между нами
 Вошёл в содружество с германскими певцами
 И стал передавать, забывши божий страх,
 Жизнехуленья их в пленительных стихах.

Прости ему Господь! Но что же! все мараки
 Ударились потом в задумчивые враки,
 У всех унынием оделось чело,
 Душа увянула и сердце отцвело².

Боратынский осознаёт, что разочарование — это уже не просто индивидуальное состояние, характеризующее психологический портрет конкретного человека, это своеобразный эпохальный симптом поколения 20–х гг. XIX в. И поэт пытается разобраться в сути этого состояния. В ранних стихах Боратынского разочарование предстаёт как «индивидуальное свойство, результат душевного охлаждения в “бурях жизненных”»³. к числу таких произведений исследователь относит следующие тексты автора: «Мертва душа моя...» («Элегия» — «Нет, не бывать тому, что было прежде...», 1821); «Всё хладный опыт истребил» («К Креницыну», 1819); «Лишь я как будто чужд природе и весне» («Весна», 1820); «Чью душу тяготит мучительный недуг» («К. — ну», 1820).

В последующих произведениях поэта мы видим, что разочарование начинает проявляться на всех уровнях сознания лирического героя Боратынского, накладывая отпечаток на многие его чувства, определяя развитие различных лирических ситуаций, в которых он оказывается.

Простейший тип такой ситуации — расхождение лирического героя со своими друзьями, вызванное неспособностью продолжать прежнюю беззаботную, весёлую, беспечную жизнь. Подобное стало неким поэтическим обобщением происходящего в жизни русской дворянской молодёжи в первой трети XIX в. и являющегося закономерной реакцией на бурную проповедь дружеского анакреонтизма. Не случайно Пушкин, создавая образ героя 20–х гг. XIX в. — Евгения Онегина, — связывает начальные этапы его духовной эволюции с охлаждением дружеских связей: «Друзья и дружба надоели»⁴.

Для лирического героя Боратынского, всё более и более погружающегося в пучину разочарования, друзья, остающиеся на прежней ступени эмоционально-философского постижения мира, для которого характерны лёгкость и беспечность отношений ко всему, становятся далёкими [«Но я безрадостно с друзьями радость пел — / Восторги их мне чужды были» (С. 75); «От всей души люблю я вас, / Но ваши чужды мне забавы» (С. 91)]. Именно яркость чувств близких людей заставляет лирического героя Боратынского с ужасом обнаружить свою эмоциональную «мертвенность»: «Что в счастье мне? Мертва душа моя!» (С. 78).

Ещё острее состояние разуверения ощущается лирическим героем Боратынского тогда, когда он рядом со своей возлюбленной. Многие исследователи характеризуют раннюю любовную лирику Боратынского как «безлюбивую», так как главное в ней признание уже не в любви, а в её охлаждении, в утрате способности любить. Лирический герой Боратынского разуверяется не столько в своей возлюбленной, сколько в самой любви. Не случайно в стихотворении «Разуверение» (1821) как своего рода заклинание звучит повторяющееся «не верю»: «Уж я *не верю увереньям*, / Уж я *не верю* в любовь» (С. 79). Даже в положении избранника

лирический герой Боратынского ощущает свою неспособность отдаться чувству, ему мешает всё разъедающая рефлексия. Постоянный самоанализ становится причиной его нравственной драмы, позже воспринятой как проявление «болезни века». Особенно выразительно это раскрыто в знаменитом «Признании» («Притворной нежности не требуй от меня») (1823). Задолго до знаменитого лермонтовского романа Боратынский создаёт образ своеобразного «героя своего времени»: человека, сомневающегося во всём, ищущего истину в себе и в мире, борющегося или пассивно ожидающего решения своей участи у судьбы.

Разочарование определяет отношение героя Боратынского и к другим сферам бытия. Он обнаруживает, что в общественной жизни нет справедливости, в мире царит беззаконие:

Что свет являет? Пир нестройный!
Презренный властвует; достойный
Поник гонимою главой;
Несчастлив добрый, счастлив злой (С. 155).

Глухое отчаяние и почти полная безнадежность рождаются в душе лирического героя, когда он задумывается о судьбе человека вообще, и эта тоска с годами, как снежный ком, только нарастает.

Наш тягостный жребий: положенный срок
Питаться болезненной жизнью,
Любить и лелеять недуг бытия
И смерти отрадной страшиться (С. 78), —

пишет он в 1821 г., а в 1832 г. появляются ещё более трагические стихи:

Вотще! Я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, лёгкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла... (С. 166)

Мотив разочарования в жизненных реалиях рождает в человеке настроения печали, тоски, уныния, грусти...

Одним из основных состояний души разочаровавшегося лирического героя Боратынского оказывается печаль — «*печаль души*» (С. 74). Власть её, так же как и «груз печали», не всегда для него обременительна, ибо может иногда стать источником творчества, правда, особого характера [«...*печалью* вдохновенный / *Печаль* поёт свою» (С. 134)], кроме того, может превратиться в своеобразную форму освобождения от тягот судьбы: «В борьбе с тяжёлою судьбою / Я только пел мои *печали*...» (С. 128).

Другой эмоциональной формой выражения разуверения героя Боратынского становится тоска. Правда, стоит помнить, что романтическая тоска в первую очередь состояние, которое можно уподобить томлению по какому-то идеалу, сравнить

с неким мечтанием; и чувство это, кажется, не похоже на разочарование. И порой в таком именно ракурсе описывает «тоску» старший современник Боратынского К. Н. Батюшков в своей лирике, например, в «Воспоминаниях» (1814):

Я пенье забывал волшебное Сирен
И о тебе одной мечтал в *тоске сердечной*.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона⁵.

Иногда именно в подобном контексте вслед за своим романтиком-предшественником использует понятие «тоска» и Боратынский (причём это обнаруживается как в его ранней, так и поздней лирике): «Я трепетал в *тоске* желанья / У ног волшебниц молодых» (С. 75); «О счастья с младенчества *тоскуя*, / Всё счастьем беден я» (С. 104); «Я полон страстною *тоской*, / Но нет! рассудка не забуду» (С. 120). Самый яркий в этом ряду — пример из знаменитого стихотворения «Она» (1827): «Ты полон весь *мечтою* необъятной, / Ты полон весь таинственной *тоской*» (С. 135).

Однако со временем всё чаще в лирике Боратынского ощущается активизация совсем иного толкования понятия «тоска», для поэта оно из положительного для романтически настроенной личности чувства превращается в нечто тёмное, разрушительное, заставляющее человека мучиться, страдать, ибо становится знаком потери веры и надежды на лучшее. Вот тому яркий пример: «Как страшно ты перегорела! / Раба томительной мечты! / В *тоске душевной пустоты*, / Чего ещё душою хочешь?» (С. 125–126).

По сути, чувство «тоски» становится отличительной приметой эмоциональной и духовной жизни лирического героя Боратынского, это состояние захватывает его существо, особенно тогда, когда он обращается мыслями в прошлое: «Свободу дав *тоске* моей, / Уединённый, я недавно / О наслажденьях прежних дней / Жалел и плакал своенравно» (С. 70), «О днях минувших пробудилась / *Тоска* души моей» (С. 84).

В тоске выплёскивается то страшное разочарование, которое оказывается связано и с неверием лирического героя Боратынского в светлые стороны жизни: «С *тоской* на радость я гляжу, / Не для меня её сиянье, / И я напрасно упованье / В больной душе моей бужу» (С. 66). Это чувство проникает даже в ту сферу жизни лирического героя, которая казалась ему самой светлой и сакральной, — в мир его творчества: «В борьбе с тяжёлою судьбой / Я только пел мои печали: / Стихи холодные дышали / Души холодною *тоской*» (С. 128).

И чем старше становится лирический герой Боратынского, тем острее и трагичнее он ощущает своё состояние, одним из главных проявлений которого становится тоска — почти равнозначный эквивалент полного разочарования в себе и жизни: «Мы плачем... но прости! *Печаль любви* сладка, / Отрадны слёзы сожаленья! / Не то холодная, *суровая тоска*, / *Сухая скорбь разuverенья*» (С. 169).

И воплощением абсолютного разочарования становится появляющийся в одном из кульминационных центров итоговой книги Боратынского «Сумерки» образ Недоноска, обречённого на вечное страдание и неудовлетворённость: «Изынвающий *тоской*, / Я мечусь в полях небесных, / Надо мной и подо мной / Беспредельных — скорби тесных!» (С. 181).

Своеобразным сопровождением мотива разуверения в лирике Боратынского оказывается настроение уныния, которое усиливает трагизм звучания строк поэта, в которых он размышляет о судьбе человека, потерявшего твёрдую почву под ногами — веру в счастье: «Когда рассеянно, с *унынием* внимать / Я буду снам твоим о будущем, о счастье» (С. 58). Именно настроение уныния, по мнению поэта, лишает личность способности воспринимать красоту и гармонию мира: «*Унынье* в грудь к тебе теснится, / Не видишь ты красы лугов» (С. 97).

Боратынский показывает, что утрата очарования жизни может иметь для человека катастрофические последствия — ему может вдруг желанной показаться смерть, а не мир живых: «Под бурею судеб, *унылый*, часто я, / Скучая тягостной неволей бытия, / Нести ярмо моё утрачивая силу, / Гляжу с отрадою на близкую могилу» (С. 142). Правда, стоит оговориться, что мысли эти оформляются в тексте, имеющем изначальную ориентированность на «чужое» сознание — это своеобразный перевод «Из А. Шенье» (1828).

В юности лирический герой поэта трагически предчувствует, что вырваться из тесных объятий разочарования, наверное, невозможно:

Одну печаль свою, *уныние* одно
Унылый чувствовать способен! (С. 76)

Печаль как одно из определяющих настроений, связанных с разочарованием, воспринимается как чувство разрушительное, отнимающее у человека жизненные силы: «Всё хладный опыт истребил. / Узнал ли друга ты? Болезни и *печали* / Его состарили во цвете юных лет» (С. 58); лишаящее его способности испытывать какие-то иные светлые чувства: «Я сердца моего не скрою хлад *печальный*. / Ты права, в нём уж нет прекрасного огня» (С. 108).

А иногда в какие-то отчаянные минуты скорби сама жизнь воспринимается лирическим героем Боратынского воплощением этой печали: «Я встретить радость мнил — нашёл одну *печаль*» (С. 58); «Кто жизнь *печальную* мечтой не украшал?» (С. 60).

Разочарованный, по Боратынскому, — это больной человек, но больна у него душа, а не тело. Об этом он, например, размышляет, в стихотворении «Больной» (1821), на это указывают многочисленно представленные в его лирике выразительные метафорические образы: «сердца мёртвой» тишины, «слепой души», «души больной», «души усталой», «пасмурной души», «сердечных судорог», омраченья «души болезненной», болящего духа, мертвящего душу хлада, «безумной души»...

Состояние разочарование можно рассматривать как следствие утраты человеком «очарования» тем, что было ему дорого. Для большинства людей причиной такой метаморфозы чаще всего было взросление, а точнее старение: вчерашний

юноша, полный огня и жизни, сегодня вдруг остро ощущает скоротечность жизни и обнаруживает наивность своих прежних взглядов, идеалов, результатом чего оказывается чувство печали и разочарование. Об этом, например, размышляет и сам поэт в одном из своих ранних произведений «Весна» (1820): «Хладеет в сердце жизнь, и юности моей / Поблекли утренние розы!» (С. 71).

Однако данная жизненная тенденция не является определяющей в пространстве лирики Е. А. Боратынского. Мы видим, как с годами мотив разочарования звучит в произведениях поэта всё громче, становясь и в количественном, и в качественном отношении доминирующим. Однако стоит отметить, что обнаруживается этот мотив уже в раннем творчестве поэта, когда ещё были сильны эпикурейские настроения, когда лирический герой Боратынского, будучи юным, казалось бы, был полон жажды бытия и стремился разделить все свои радости с духовно близкими людьми, но при этом уже ощущал утрату чего-то важного для себя: «О, где вы, призраки невозвратимых лет, / Богатство жизни — вера в счастье?» (С. 71).

Определяющим же фактором в формировании состояния разочарования лирического героя Боратынского становится прежде всего то, что мир не удовлетворяет его, не соответствует восторженным высоким притязаниям, не оправдывает тех прекрасных надежд, что на него возлагались:

Дни пролетают, годы тоже;
Меж тем беднеет свет! (С. 84)

Некоторые исследователи, подчёркивая пессимистический характер поэзии Боратынского, утверждали, что разочарование Боратынского отлично от байронической рефлексии, а потому «принципиально необратимо: ведь байронизм предполагает (хотя бы и «за текстом»), что изменение общественных условий может преобразить характер «разочарованного», в соответствии с тем, что эти условия его сформировали»⁶.

Мы же склонны придерживаться иной позиции. Разочарование, пронизывающее лирику Боратынского, не приводит поэта к мрачному пессимизму и безверию, а, напротив, заставляет его в себе, в других, в самой жизни искать то, что каждому и ему в первую очередь придаст силы и вернёт смысл бытия. Герой Боратынского временами осознаёт, что в его безотрадном существовании должны быть какие-то проблески иного мира, ибо не мыслит человек жизни без веры, не в состоянии прожить без радости. И поиски этого света обнаруживаются уже в его ранних произведениях:

Не мне роптать, но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу (С. 66–67).

Уже в юности поэт воспринимает жизнь как юдоль страданий, понимая, что человеку в ней не дано обрести желанного. Потому юный поэт, ощущая разьедающую силу разочарование, пытается найти того, кто виновен в этом состоянии, и высказывает предположение, что это — боги:

Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти
 В сей жизни блаженство прямое:
Небесные боги не делятся им
 С земными детьми Прометея (С. 77).

Казалось бы, разочаровавшись в личной жизни, утратив веру в самое значимое для себя — в любовь, он должен был ожесточиться, а может, и возненавидеть того, кто, возможно, незримо за ним наблюдает, но лирический герой Боратынского не только не обвиняет, но уповает на его помощь, а иногда как будто ищет в себе и в жизни некие оправдания Божьего промысла.

Однако данные строки, пожалуй, единственное обвинение высшей силы в разочарованиях и страданиях человека. Чаще же лирический герой Боратынского готов петь хвалу и гимны богам за те немногие радости жизни, что остались у него: «за мирный угол свой» (С. 66); за «целебный воздух жизни новой» (С. 75); за «желанье счастья», что в него «вдохнули боги» (С. 101); за «отраду в песнях муз» (С. 115); за то, что «нет на земле ничтожного мгновенья» (С. 218).

Наличие теодицейных мотивов в лирике Боратынского отмечалось немногими исследователями, в числе которых Г. Хетсо⁷, Е. Н. Лебедев⁸, Е. Н. Федосеева⁹. И, наверное, не случайно Е. Н. Федосеева сравнила безутешного Иова и лирического героя Боратынского. Как и Иов, герой Боратынского пытается найти смысл в тех разочарованиях и страданиях, что выпадают на долю человека.

Боратынский с годами убеждается сам и пытается эту мысль внушить и своему читателю: всё в этом мире меняется, как не может быть бесконечного счастья, так и горе человека не бескрайне, состояние разочарования рано или поздно сменится иным, когда человек обретёт веру:

И веселью и печали
 На изменчивой земле
 Боги праведные дали
 Одинакие криле (1832) (С. 165).

Страдание воспринимается не только и не столько как причина разуверения героя в жизни, сколько как основа жизни, вечный стимул для человеческих поисков иного мира, иных форм бытия: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытай его, нельзя понять и счастья» (С. 74); «И далеко ищу, как жребий мой ни строг, / Я жить и бедствовать услужливый предлог» (С. 142).

Разочарование, как выясняется, для лирического героя Боратынского — не итог, а промежуточный этап его духовной эволюции, чем более он разуверен, тем активнее ищет то, что утрачено, — веру, любовь, вдохновение, радость жизни, — и пытается понять, как всё это можно вернуть и себе, и человечеству. С годами для поэта всё очевидней становится трагическая истина бытия: жизнь — это юдоль страданий, тяжких испытаний не столько тела, сколько духа человека. Но, преодолевая всё то, что выпадает ему на жизненном пути, человек становится сильнее и не к полному разуверению приходит, а, напротив, стремясь выйти из состояния

разочарования, человек начинает вести активный поиск выхода из некоего тупика и... обретает веру в душе, познаёт Бога, приближаясь к той гармонии, что так долго от него ускользала. Именно поэтому в позднем творчестве, наряду с появлением самых мрачных текстов, которые переполнены болью, отчаянием и... безверием [«Недоносок» (1835), «Последний поэт» (1835), «На что вы, дни! Юдольный мир явления» (1840)], автор создаёт стихотворения, в которых утверждается прямо противоположное мировосприятие, в основе которого вера, оптимизм при мысли о будущем, ощущение сопричастности чему-то великому и светлому, — «Ахилл» (1841), «Рифма» (1840), «На посев леса» (1842), «Пироскаф» (1844).

Светом такой обретенной веры, знаменующей преодоление разочарования, становится «Молитва» (1842 или 1843) Боратынского. Поэт как будто вспоминает о своей юности, когда ещё шестнадцатилетним высказал суждение: «Надо использовать даже то, что кажется неправильным в человеческой природе. Как много вещей, цель коих от нас сокрыта Провидением, а мы осмеливаемся за это роптать на Творца!»¹⁰, — которое только в 40-е гг. им было по-настоящему глубоко прочувствовано и осмыслено.

По сути, разочарование становится тем фундаментом, на котором строится поэтический мир Боратынского. Познав разуверение, лирический герой Боратынского не отчаялся, не отвернулся от жизни, напротив, научился ценить всё то, что она ему преподносила, по-особенному остро воспринимая различные проявления бытия.

¹ Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / сост. А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 77.

² *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1989. С. 117–118. Далее ссылки даются на это издание, страницы указываются в скобках.

³ *Семенко И. М.* Баратынский // *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. С. 226.

⁴ *Пушкин А. С.* Полн. соб. соч. 3-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 5. С. 26.

⁵ *Батюшков К. Н.* Воспоминания: Отрывок («Я чувствую, мой дар в Поэзии погас...») // *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.; Л.: Academia, 1934. С. 66–67.

⁶ *Семенко И. М.* Баратынский. С. 227.

⁷ *Хетсо Г.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1973. С. 450.

⁸ *Лебедев Е. Н.* Е. А. Боратынский и духовные искания в русской лирической поэзии XVIII–XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

⁹ *Федосеева Е. Н.* Жалобы библейского Иова в поэтической интерпретации Е. А. Боратынского // Вестник московского государственного областного университета. Сер. «Филология». 2008. № 4. С. 166–172.

¹⁰ Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. С. 79.